

УДК 323.2

СИРИЯ: К ПОНИМАНИЮ ПРИЧИН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Э.Э. ШУЛЬЦ,
кандидат исторических наук

Статья посвящена разбору причин гражданской войны в Сирии, длящейся последние два года. Понимание причин гражданской войны в Сирии важно не только само по себе, но и для оценки вариантов развития событий и возможности прекращения кровопролития. Существующие противоречия в обществе, в том числе и конфессиональные и региональные, послужили лишь начальным горючим материалом для проявления социального протеста, который был очень быстро переведен в самую радикальную форму — вооруженное противостояние. Социальный протест в Сирии, как и во всех странах так называемой «арабской весны», был использован в борьбе за власть и получение политических преференций. Межконфессиональность конфликта в Сирии выступает лишь социально-психологическим фактором, флагом для идентификации сторон и мобилизации сторонников как внутри «территории конфликта», так и за его пределами.

Отмечено, что, по оценкам экспертов, половину повстанцев в Сирии составляют «джихадисты» (сторонники глобального джихада) или радикальные исламисты, причем большая часть из бойцов — иностранные наемники и сторонники Аль-Каиды. Кроме того, в боевых действиях на стороне оппозиции участвует молодежь арабского происхождения и мусульмане, являющиеся подданными Великобритании, Франции, Голландии, Бельгии, Австралии, России и других государств. Доля иностранцев в общей повстанческой массе стала давно превосходить граждан Сирии. Следует отметить, что на стороне действующего президента Сирии также сражаются иностранные наемники, среди которых иранские военнослужащие, иракские шииты и боеви-

ки радикальной шиитской группировки «Хезболла». Именно такое состояние дел объясняет тактику и поведение вооруженных отрядов оппозиции, которые удивляют многих наблюдателей: террор по отношению к местному населению и уничтожение важных социальных и экономических объектов. Дело в том, что «повстанцам» не нужна поддержка населения, ведь это не гражданская война в подлинном смысле этого слова.

Ключевые слова: Сирия, социальный протест, технологии бунта, причины гражданской войны, общество, конфессиональные и региональные противоречия, вооруженное противостояние

События в Сирии последних двух лет вызвали к жизни злободневный вопрос о причинах этих событий. Еще немногочисленная, но уже начинающая формироваться историография гражданской войны в Сирии оценивает эти события сквозь призму религиозных конфликтов в этом многоконфессиональном государстве. Подобные противоречия действительно существуют в сирийском обществе, однако на протяжении длительного периода времени они не приводили к противостоянию в обществе, а в начале 2011 г. в течение короткого промежутка времени вдруг сразу приобрели самые радикальные формы. Это, безусловно, вызывает резонный вопрос: стали ли указанные противоречия настоящей предпосылкой или «спусковым крючком», причиной или поводом?

Не отрицая важности конфессиональных различий в Сирии, все же следует признать безусловным тот факт, что не они стали причиной указанных событий в этом ближневосточном государстве. Существующие противоречия в обществе, в том числе и конфессиональные, и региональные, послужили лишь начальным горючим материалом для проявления социального протеста, который был очень быстро и умело переведен в самую радикальную форму — вооруженное противостояние. Социальный протест в Сирии, как и во всех странах так называемой «арабской весны», был использован в борьбе за власть и получение политических преференций.

Если обратиться к анализу причин событий «арабской весны» у исследователей, то все авторы перечисляют традиционные причины революций и массовых протестных выступлений: социально-экономические и политические причины, личностный фактор (слабость руководства страны), внешние факторы [8, с. 119–122].

В качестве социально-экономических причин событий «арабской весны» чаще всего называются экономическая стагнация, бедность, неравенство, коррупция и безработица [1, с. 66; 9, с. 5; 10, с. 4–6]. Однако все эти факторы встречают множество несоответствий и справедливо критикуются¹ [1, с. 66; 4, с. 214; 5, с. 6; 6, с. 23, 30; 9, с. 5–29; 13, с. 378]. Более тщательный анализ приводит исследователей к выводам, что в тех странах, где в ходе социального протеста были свергнуты правительства, социально-экономические условия были значительно лучше, чем в большинстве тех, где смены власти не произошло, и это выдвигает на первый план в виде причин так называемую кривую Дэвиса [10, с. 7]. Как известно, принцип Дэвиса гласит, что революции происходят не в период наиболее острых кризисов и не в период устойчивого подъема, а в ситуации, когда период

подъема, внушивший людям надежды, сменяется резким упадком². В данном случае имеется в виду, что мировой экономический кризис, начавшийся в 2008 г., сменил период подъема в данных странах, вследствие чего реальное материальное положение людей разошлось с их представлениями о его должном состоянии. Однако если для Туниса и Египта утверждение о влиянии мирового экономического кризиса еще может рассматриваться, то ни в Ливии, ни в Сирии материальное положение граждан не пострадало.

С другой стороны, здесь можно вести речь и о том, что протест вызывается не столько ухудшением положения, сколько повысившимися требованиями к жизни, причем ряд авторов небезосновательно усматривает причины социального протеста в восприятии населением собственного положения: население, преимущественно молодое, воспринимает через СМИ и Интернет высокие «западные» потребительские запросы, которые вступают в конфликт с существующей действительностью³ [12, с. 270].

Отдельной строкой исследования причин социального протеста в арабских странах стоит такой феномен, как «молодежный бугор» (youth bulge): *рост доли молодежи в обществе* (чаще всего в связи с улучшением условий жизни, которые влекут снижение детской смертности и повышение рождаемости). Американский политолог Д. Голдстоун считал, что большинство революций XX в. произошло там, где наблюдался такой процесс. Ведь именно молодежь более склонна к протестным действиям и ниспровержению устоев⁴. Ряд исследователей видит причины «арабского протеста» в опережающих смертность темпах рождаемости, в результате чего образовалось большое количество молодого населения, которому не хватает «места под солнцем» (растущая безработица)⁵ [2, с. 256].

¹ Васильев А.М. Восстание в арабском мире: посевы и всходы // Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы. Материалы научной конференции / отв. ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. М.: Либроком, 2012. С. 8–17.

Гусаров В.И. Важнейшие факторы «арабской весны» // Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы. Материалы научной конференции / отв. ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. М.: Либроком, 2012. С. 25–27.

Орлов В.В. Марокко на фоне «арабских революций»: факторы устойчивости власти // Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы. Материалы научной конференции / отв. ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. М.: Либроком, 2012. С. 53–56.

² Davies J. Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review. 1962. Vol. 27. P. 5–19.

³ Васильев А.М. Восстание в арабском мире: посевы и всходы // Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы. Материалы научной конференции / отв. ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. М.: Либроком, 2012. С. 8–17.

⁴ Goldstone J. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict // Journal of International Affairs. 2002. № 56. P. 3–21.

⁵ Васильев А.М. Восстание в арабском мире: посевы и всходы // Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы. Материалы научной конференции / отв. ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. М.: Либроком, 2012. С. 8–17.

И снова отметим, что уместно отнести это вполне справедливое замечание к Египту и Тунису. Однако, возвращаясь к Ливии и Сирии, где социальный протест перешел в свою самую радикальную форму, гражданскую войну, следует констатировать, что в этих странах рассматривать «молодежный бугор» как причину противостояния власти и общества вряд ли корректно.

Говоря о Сирии, некоторые исследователи отмечают, «что причины антиправительственных выступлений в Сирии существенно отличаются от тех, что имели место в Тунисе, Египте, Ливии, Йемене и т.д.» [14, с. 324]. Сирийское государство и по сей день представляет собой социально ориентированную экономическую модель. В Сирии не проявился раскол элиты, который продемонстрировал, например, Египет. Наоборот, здесь «очевидна высокая степень консолидации правящего режима». В Сирии молодежь, один из главных акторов потрясений в Арабском мире, «не проявляла такой же антиправительственной активности, как, например, в Тунисе, Египте или Йемене» [14, с. 324, 348].

Спорность всех указанных постулатов и неудовлетворенность исследователей направляют их по другому традиционному пути — этноконфессиональных противоречий. В эти противоречия, кстати, вполне укладывались социальные конфликты в Ливии и Сирии до последних десятилетий XX в.

И все же указанный комплекс причин вызывает огромные сомнения, не в последнюю очередь потому, что эти конфликты «дремали» десятилетиями и вдруг, по неясной причине, проявились в самых крайних и агрессивных формах. Одним из признан-

ных факторов перехода социального протеста из латентного состояния в активную стадию является убеждение людей по поводу того, оправдан ли тот риск, которому они подвергают себя, предпринимая политические акции, и по поводу вероятности того, что же именно они приобретают от этого [3, с. 30–31].

И в ливийском, и в сирийском случаях сложно себе представить, чтобы определенные или неопределенные этнические, территориальные, конфессиональные группы решили, что терпеть существующее положение вещей больше не представляется возможным, а борьба за свои права (политические, экономические или иные) оправдывает любые жертвы. Эта ситуация может иметь смысл, если надежды и представления этих групп были бы связаны с отсутствием потерь или минимальными потерями, с полной уверенностью в успехе.

В последнее время стали робко говорить о технологиях организации «цветных революций» и «арабской весны», но, к сожалению, чаще всего такие попытки связаны с конспирологией, а не с задачей выявления методов и подходов «работы» с социальным протестом. Таким образом, образуются две полярные группы подходов: с одной стороны, налицо объективные причины арабской весны: экономика, социально-демографические факторы, этноконфессиональные конфликты, а с другой констатируются заговор, переворот определенных международных акторов.

Для того чтобы обозначить собственную позицию по данным вопросам, позволим себе три отступления.

Во-первых, если в США состоятся сегодня радикальные протестные выступления, то им тоже найдутся обоснования в экономических причинах (кризис, рост безработицы, потеря сбережений и жилья), в этноконфессиональных конфликтах (многонациональная и многоконфессиональная страна, рост доли мусульман и испаноязычного населения), рост доли молодежи (в США нет бума рождаемости, но велик приток иммигрантов, в том числе с культурой традиционно большого количества детей в семье) и т.д. Также вполне можно будет найти такие причины в заговоре международных акторов и пятой колонны. (В период холодной войны такое положение вещей уже существовало, но оно не привело к радикальным и массовым выступлениям). Только все это будет постфактум, сегодня ни один здравомыслящий человек не может предположить

Гусаров В.И. Важнейшие факторы «арабской весны» // Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы. Материалы научной конференции / отв. ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. М.: Либроком, 2012. С. 25–27.

Долгов Б.В. Причины подъема протестных движений в арабских странах // Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы. Материалы научной конференции / отв. ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. М.: Либроком, 2012. С. 18–24.

Орлов В.В. Марокко на фоне «арабских революций»: факторы устойчивости власти // Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы. Материалы научной конференции / отв. ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. М.: Либроком, 2012. С. 53–56.

Филин Н.А. Социально-демографический фактор массовых волнений в арабских странах и Иране // Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы. Материалы научной конференции / отв. ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. М.: Либроком, 2012. С. 40–42.

такое развитие событий. Таким образом, комплекс традиционных объяснений причин радикальных форм социального протеста существует в латентной форме. Причем указанный комплекс не только не должен обязательно выстрелить, как известное ружье на стене в последнем акте, но и в принципе не может объяснить появление социального протеста в его радикальных и массовых формах.

Во-вторых, в современном быстроменяющемся мире ключевым словом давно стало слово «технологии»: высокие, инновационные и прочие. Но самое главное — технологии давно стали явлением гуманитарным, применяющимся в социальной инженерии и политических процессах. Технологии управления социальным протестом используют сам факт наличия конфликтов и определенного недовольства в различных социальных группах, а ведь и первое, и второе существуют в любом обществе, только в разных пропорциях, при разной степени накала противоречий. В известной притче о мальчике и волке мальчик каждый раз кричит односельчанам, что прибежал «волк», и ему, наконец, перестают верить. Однако волк все равно приходит как раз тогда, когда его уже никто не ждет. Теории заговора, ищущие «руку» различных тайных и явных сил, вызывают скепсис в таком вопросе. Впрочем, это совершенно не означает, что не существует глобальной международной политики, явных и скрытых интересов государств и транснациональных корпораций, их активного продвижения любыми средствами, в том числе и специальными методами «управления бунтом».

В-третьих, как правило, различные силы, в которых ищут возможные «акторы» и «источники действий», чаще напоминают образ «богов», двигающих шахматные фигуры. Очевидно, что таких всемогущих персон и организаций в мире не существует, да и не может существовать. Однако существует сложившийся образ, вполне отвечающий потребностям массового сознания, тщательно подпитываемый, но не более того. В реальной же жизни всегда существует множество сторон, заинтересованных в тех или иных действиях и последствиях. Причем ход событий, как и последствия, редко имеют линейную зависимость от действий этих сторон, чаще являясь сложной равнодействующей различных усилий. Что же касается социального протеста и управления этим явлением, то бунт всегда несет большую долю стихийности и малую степень управляемости, однако

определенные воздействия способны направить его в то или иное русло, о чем свидетельствуют различные исторические примеры радикальных форм социального протеста, самые показательные из которых, пожалуй, Русская революция 1917 г. и Кубинская революция 1953–1959 гг.

Обратимся к сирийскому примеру. Классический вариант сценария «арабской весны» прошел в большинстве стран Северной Африки и Ближнего Востока: демонстрации протеста, быстро переходящие в массовое состояние эйфории, меняющие лозунги на единый лозунг отставки правительства. В Тунисе и Египте этот радикальный протест привел к смене власти, в остальных странах его удалось ввести в мирное русло и успокоить. Второй вариант развития событий проявился в Ливии, когда радикальный протест принял форму вооруженных столкновений и гражданской войны. Внешнее влияние и давление были характерны для всех перечисленных случаев, однако в ливийском варианте этот внешний фактор принял вид прямого военного вмешательства, причем именно это вмешательство и обеспечило свержение режима Каддафи. «Повстанцы» быстро взяли под контроль восточные провинции страны, но Каддафи потребовался всего лишь месяц, чтобы, несмотря на поставки оружия и экономическую помощь оппозиции, восстановить контроль почти над всей восточной территорией. Авиаудары объединенной коалиции ряда стран НАТО и некоторых стран Персидского залива всего лишь продлили существование повстанцев, но не могли обеспечить их победу. Поэтому через несколько месяцев после первых авиаударов коалиции британских, французских и катарских военных подразделений пришлось проводить и наземную операцию.

Беспорядки в Сирии начинались буквально в те же дни, когда Совбез ООН принимал резолюцию 1973 г., которая санкционировала внешнее вмешательство в гражданскую войну в Ливии⁶. Начиналось все классически для протеста «арабской весны»: группа в Facebook, призывы к проведению «Дня гнева», первые немногочисленные и разрозненные антиправительственные выступления (26 января 2011 г.). В течение полутора месяцев, с 26 января по 15 марта 2011 г. выступления продолжались,

⁶ Лукьянов Ф. Квинтэссенция кризисов. 12.09.2013. URL: <http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/5649885.shtml>.

их количественный состав рос, но он сильно не «дотягивал» до уровня Туниса и Египта и представлялся вполне локальным явлением, которое быстро сойдет на нет. 15 марта 2011 г. полиция разогнала демонстрацию в несколько сотен человек и в течение нескольких дней «бунт» приобрел совершенно иные черты: *во-первых*, выступления перенеслись из столицы окончательно в регионы, а *во-вторых*, протест стал приобретать более массовый и радикальный характер.

Массовость и радикализация (как в Египте и Тунисе до этого) начали возрастать после первых жертв среди демонстрантов в результате столкновений с силами правопорядка. После такого столкновения 18 марта в городе Деръя (Deraa) в юго-западной провинции Сирии, в результате которого погибло несколько человек и некоторые получили ранения, в регионе вспыхнули массовые акции протеста. В южных провинциях внезапно появились вооруженные отряды «оппозиции», лозунги сменились от различных требований реформ к единообразному требованию отставки правительства. Попытки Асада использовать положительный пример и пойти по варианту стран, где эскалации конфликта удалось избежать (Алжир, Оман, Иордания, Йемен, Мавритания, Марокко и др.), не увенчались успехом, несмотря на смену правительства, отмену чрезвычайного положения, повышение зарплат и пенсий и заявление о продолжении реформ, которые требовали первые акции протеста.

В Сирии конфликт очень быстро перешел в полномасштабную гражданскую войну. Во многом сценарий развития событий повторил ливийский вариант: оппозиция быстро достигла максимального успеха, а затем начала отступать. Б. Асад не располагает силами и возможностями М. Каддафи, но и ему удастся теснить «повстанцев» и возвращать контроль над страной, только несколько более медленными темпами. В отличие от Ливии, в Сирии не произошла прямая военная интервенция, что и определяет текущее положение вещей: режим устоял, гражданская война перешла в состояние вялотекущей войны наемников, а не граждан.

Согласно исследованию IHS Jane's report, опубликованному «Дэйли Телеграф» 15 сентября 2013 г., половина повстанцев составляют «джихадисты» (сторонники глобального джихада) или радикальные исламисты, причем среди бойцов большую часть составляют иностранные наемники и сторонники Аль-Каиды. Кроме того, в боевых действиях на

стороне оппозиции участвует молодежь арабского происхождения и мусульмане, являющиеся подданными Великобритании, Франции, Голландии, Бельгии, Австралии, России и других государств. Доля иностранцев в общей повстанческой массе давно стала превосходить граждан Сирии. Следует отметить, что на стороне действующего президента Сирии также сражаются иностранные наемники, среди которых иранские военнослужащие, иракские шииты и боевики радикальной шиитской группировки «Хезболла». Именно такое состояние дел объясняет тактику и поведение вооруженных отрядов оппозиции, которые не перестают удивлять многих наблюдателей: открытый террор по отношению к местному населению и уничтожение важных социальных и экономически объектов. Дело в том, что «повстанцам» просто не нужна поддержка населения, ведь это не гражданская война в подлинном смысле этого слова [7, с. 43].

Исследователи справедливо замечают, что на дестабилизации обстановки в Сирии играет целый ряд государств, и исход этой игры до сих пор неясен⁷. Различные действия «внутренней оппозиции» и «внешних сил» за два с половиной года гражданской войны не смогли добиться главного: повернуть против действующей власти значительную часть населения страны. В 2011, 2012 и 2013 гг. аналитики почти в один голос уверяли, что Асад долго не удержится, однако он все еще у власти и возвращает под свой контроль страну. Затягивающаяся гражданская война и увеличение численного состава иностранных наемников будут неминуемо сокращать социальную базу «сирийского протеста». Однако поддержка иностранными государствами и различными радикальными организациями сирийской оппозиции продлит гражданскую войну в стране.

Понимание причин гражданской войны в Сирии важно не только само по себе, но и для оценки вариантов развития событий и возможности прекращения кровопролития. Поиск реальных причин конфликта в межконфессиональной розни никак не ведет к решению этих проблем, а только уводит анализ в сторону. Реальной причиной конфликта в Сирии является использование радикальных форм

⁷ Гусаров В.И. Важнейшие факторы «арабской весны» // Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы. Материалы научной конференции / отв. ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. М.: Либроком, 2012. С. 25–27.

социального протеста в политической борьбе. Политическая составляющая может проявляться в прямой борьбе за власть, стремлении добиться таким путем политических, экономических или иных предпочтений различными группами. Слагаемые социального протеста в данном случае не являются принципиальными: экономические требования, лозунги демократии и реформ, как в большинстве стран «арабской весны», или кланово-племенное противостояние, как в Ливии, или конфессиональное противостояние — для Сирии.

Даже в Ливии, где территориально-племенной конфликт наиболее четко прослеживается, он выступил лишь социально-психологическим фактором, флагом для идентификации сторон и мобилизации сторонников. В Сирии конфессиональный конфликт является красивой вывеской для военных действий, которые должны втягивать в конфликт разные стороны по этому идентификационному признаку. Этот «флаг» так же, как «борьба за демократию», «революция и обновление» и ряд других, используемых в технологиях «цветных революций», несет в себе пропагандистские функции, направленные на приобретение сторонников как внутри «территории конфликта», так и за его пределами.

Список литературы

1. *Беляков В.В.* Революция 25 января в Египте: причины и следствия // Арабский мир после арабской весны / отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. М.: Ленанд, 2013. С. 64–84.
2. *Васильев А.М., Петров Н.И.* Рецепты арабской весны: русская версия. М.: Алгоритм, 2012. 304 с.
3. *Garr T.P.* Почему люди бунтуют. СПб: Питер, 2005. 461 с.
4. *Ибрахим Н., Ионов А.В., Исаев Л.М.* Ливийский кризис как особый компонент арабской весны // Арабский мир после арабской весны / отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. М.: Ленанд, 2013. С. 214–228.
5. *Исаев Л.М., Коротаев А.В., Шишкина А.Р.* Факторы арабской весны 2011 года // Арабский мир после арабской весны / отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. М.: Ленанд, 2013. С. 5–20.
6. *Исаев Л.М., Шишкина А.Р.* Египетская смута XXI века. М.: Либроком, 2012. 107 с.
7. *Колобов О.А., Шульц Э.Э.* «Арабская весна»: возможные последствия для России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 9. С. 41–49.
8. *Колобов О.А., Шульц Э.Э.* «Арабская весна»: технологии «революций» // Журнал «Полития». 2014. № 1. С. 119–127.
9. *Коротаев А.В., Зинькина Ю.В.* Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ // Историческая психология и социология истории. 2011. Т. 4. № 2. С. 5–29.
10. *Коротаев А.В., Зинькина Ю.В.* Предисловие // Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. Египетская смута XXI века. М.: Либроком, 2012. С. 4–6.
11. *Мирзаян Г.* Сирийская партия // Эксперт. 2012. № 30–31. С. 53–57.
12. Политическое цунами. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке / под ред. С. Кургиняна. М.: Международный общественный фонд «Экспериментальный творческий центр», 2011. 287 с.
13. *Труевцев К.М.* Жасминовая революция в Тунисе // Арабский мир после арабской весны / отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. М.: Ленанд, 2013. С. 378–399.
14. *Шишкина А.Р.* Сирия: секреты стойкости режима // Арабский мир после арабской весны / отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. М.: Ленанд, 2013. С. 323–353.

SYRIA: UNDERSTANDING THE CAUSES OF THE CIVIL WAR

Eduard E. SHUL'TS

Abstract

The article deals with the analysis of the causes of the two-year civil war in Syria. Understanding the causes of the civil war in Syria is important not only in itself, but also for the assessment of options for the development of the events and the possibility of ending the bloodshed. Existing contradictions in society including the confessional and regional ones were the only primary combustible material for the manifestation of social protest that was quickly assumed the most radical form of an armed confrontation. The social protest in Syria like in all countries of the so-called “Arab Spring” was used in the struggle for power and political preferences. Interdenominationalism of the conflict in Syria is only socio-psychological factor and it serves as a flag to identify and mobilize supporters on the both sides of the “territory of the conflict” and beyond. The author points out that according to the experts, half of the rebels in Syria are “jihadists” (supporters of the global Jihad) or radical Islamists and most of the fighters are foreign mercenaries and Al-Qaida supporters. In addition, alongside the opposition fight young people of Arab descent and Muslims, who are citizens of the United Kingdom, France, Holland, Belgium, Australia, Russia and other countries. Long ago, the proportion of foreigners in the total rebel ranks started to surpass the Syrian citizens. The paper emphasizes that on the side of the current President of Syria also foreign mercenaries, among them Iranians, Iraqi Shiites and the militia of the radical Shiite group Hezbollah fight. This state of affairs explains the tactics and behavior of the armed forces of the opposition, who surprised many observers: terror towards the local population and the destruction of important social and economic facilities. The fact of the matter is that the “rebels” do not need the support of the population, since it is not a civil war in the true sense of the word.

Keywords: Arab Spring, Syria, social protest, riot technologies, civil war causes, society, religious and regional conflicts, armed confrontation

References

1. Belyakov V.V. *Revolutsiya 25 yanvarya v Egipte: prichiny i sledstviya. Arabskii mir posle arabskoi vesny* [January 25 revolution in Egypt: the causes and consequences. The Arab world after the Arab Spring: a collection of articles]. Moscow, Lenand Publ., 2013, pp. 64–84.
2. Vasil'ev A.M., Petrov N.I. *Retsepty arabskoi vesny: russkaya versiya* [The Arab Spring recipes: the Russian version]. Moscow, Algoritm Publ., 2012, 304 p.
3. Gurr T.R. *Pochemu lyudi buntuyut* [Why Men Rebel]. St. Petersburg, Piter Publ., 2005, 461 p.
4. Ibrakhim N., Ionov A.V., Isaev L.M. *Liviiskii krizis kak osobyi komponent arabskoi vesny. Arabskii mir posle arabskoi vesny* [The Libyan crisis as a special component of the Arab Spring. The Arab world after the Arab Spring: a collection of articles]. Moscow, Lenand Publ., 2013, pp. 214–228.
5. Isaev L.M., Korotaev A.V., Shishkina A.R. *Fakторы arabskoi vesny 2011 goda. Arabskii mir posle arabskoi vesny* [Factors of the Arab Spring of 2011. The Arab world after the Arab Spring: a collection of articles]. Moscow, Lenand Publ., 2013, pp. 5–20.
6. Isaev L.M., Shishkina A.R. *Egipetskaya smuta XXI veka* [The Egyptian turmoil of the twenty first century]. Moscow, Librokom Publ., 2012, 107 p.
7. Kolobov O.A., Shul'ts E.E. “Arabskaya vesna”: vozmozhnye posledstviya dlya Rossii [“The Arab Spring”: possible consequences for Russia]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' — National interests: priorities and security*, 2014, no. 9, pp. 41–49.
8. Kolobov O.A., Shul'ts E.E. “Arabskaya vesna”: tekhnologii “revolyutsii” [“The Arab Spring”: technologies of “revolutions”]. *Politiya — Politeia*, 2014, no. 1, pp. 119–127.
9. Korotaev A.V., Zin'kina Yu.V. *Egipetskaya revolyutsiya 2011 goda: sotsiodemograficheskii analiz* [The Egyptian revolution of 2011: socio-demographic analysis]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya*

istorii — Historical psychology and sociology of history, 2011, Vol. 4, no. 2, pp. 5–29.

10. Korotaev A.V., Zin'kina Yu.V. *Predislovie. Egipetskaya smuta XXI veka* [A preface to the book Egyptian turmoil of the twenty first century]. Moscow, Librokom Publ., 2012, pp. 4–6.

11. Mirzayan G. *Siriiskaya partiya* [The Syrian party]. *Ekspert — Expert*, 2012, no. 30–31, pp. 53–57.

12. *Politicheskoe tsunami. Analitika sobytii v Severnoi Afrike i na Blizhnem Vostoke* [Political tsunami. Analytics of the events in North Africa and Middle East]. Moscow, Mezhdunarodnyi obshchestvennyi fond “Eksperimental’nyi tvorcheskii tsentr” Publ., 2011, 287 p.

13. Truevtsev K.M. *Zhasminovaya revolyutsiya v Tunise. Arabskii mir posle arabskoi vesny* [The Jasmin

revolution in Tunisia. The Arab world after the Arab Spring: a collection of articles]. Moscow, Lenand Publ., 2013, pp. 378–399.

14. Shishkina A.R. *Siriya: sekrety stoikosti rezhima. Arabskii mir posle arabskoi vesny* [Syria: the secrets of the persistence of the regime. The Arab world after the Arab Spring: a collection of articles]. Moscow, Lenand Publ., 2013, pp. 323–353.

Eduard E. SHUL'TS